

УДК 821.161.

КРЫМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

Мащенко А. П.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: amas69@mail.ru*

Статья анализирует роль Крыма в жизни и творчестве классика русской журналистики и литературы Константина Симонова. Он работал на полуострове в качестве военного корреспондента в самый тяжелый период Великой Отечественной войны – в 1941 и 1942 годах. Те трагические события отразились в трилогии «Живые и мертвые», цикле повестей «Из записок Лопатина», пьесе «Русские люди», стихотворениях «Дожди» и «Корреспондентская застольная», мемуарах «Разные дни войны», очерке «В керченских каменоломнях», многочисленных журналистских публикациях в газетах «Красная звезда», «Правда», «Известия».

Великая Отечественная война – ключевое историческое событие, определившее главное содержание журналистского и литературного творчества Константина Симонова. Почти весь материал для книг писателю дала работа военным корреспондентом на фронте. Он возвращался к событиям Великой Отечественной на всем протяжении своего творческого пути – вплоть до последних дней жизни. При этом значительная часть военной биографии Симонова связана с Крымом.

Он побывал на полуострове в трех военных командировках – в августе-сентябре 1941-го, январе и феврале 1942 годов, работал в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Джанкое, на Сиваше, на Арабатской стрелке, в акмонайских степях. Освобождение Крыма от фашистов в 1944 году отразилось в «записках Лопатина». Об особом отношении писателя к полуострову свидетельствует тот факт, что главный герой его самого известного произведения, трилогии «Живые и мертвые», Иван Синцов 22 июня 1941 г. оказывается в Симферополе. Именно на крымском материале создан первый художественный рассказ Симонова – «Третий адъютант».

Ключевые слова: Константин Симонов, Крым, Великая Отечественная война, литература, журналистика, военный корреспондент.

ВВЕДЕНИЕ

Константин Симонов – признанный классик русской военной журналистики и литературы. Его произведения, равно как и произведения его товарищей по цеху – военных корреспондентов: Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Александра Твардовского и других, равно как и так называемая лейтенантская проза писателей, которые пришли в литературу после войны прямо из окопов: Виктора Некрасова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Василия Быкова, Бориса Васильева, – лучшее, что написано о войне не только в России, но и в мире. Их уникальный боевой опыт вместе с литературным талантом создали потрясающую советскую литературу о войне – не только о войне Великой Отечественной, но и о войне вообще, о войне как явлении, проявляющем все лучшие и худшие качества в человеке. Увы, в силу ряда причин – прежде всего идеологического толка – эта литература остается мало известной за рубежом, да и в России не пользуется тем уважением, которого бесспорно заслуживает.

Военная тема пришла в творчество Константина Симонова в 1939 г. Его, выпускника Литературного института, направили на Халхин-Гол, где он работал корреспондентом газеты «Героическая красноармейская». Вернувшись из Монголии,

Симонов поступил на годовичные курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина, которые закончил в июне 1941-го с присвоением звания интенданта второго ранга. С первого дня Великой Отечественной Симонов – военкор газет «Боевое знамя», «Красноармейская правда», «Известия», «Красная звезда», «Правда».

«По долгу службы я в разное время находился на следующих фронтах:

1941 год: июнь – июль – Западный фронт; август – сентябрь – Южный фронт, Приморская армия – Одесса, Особая Крымская армия – Крым, Черноморский флот; октябрь и ноябрь – Мурманское направление Карельского фронта, Северный флот; декабрь – Западный фронт.

1942 год: январь – Закавказский фронт (Новороссийск, Феодосия); январь – февраль – Западный фронт; февраль – март – Керченский полуостров; апрель – май – Мурманское направление Карельского фронта; июль – август – Брянский фронт, Западный фронт; август – сентябрь – Сталинградский фронт; ноябрь – Мурманское направление Карельского фронта; декабрь – Западный фронт.

1943 год: январь – февраль – март – Северокавказский и Южный фронты; апрель – Южный фронт; май – июнь – отпуск, полученный от редакции для написания «Дней и ночей». Жил эти месяцы в Алма-Ате и вчерне написал почти всю книгу. Июль – Курская дуга; август – октябрь – несколько поездок в армии Центрального фронта. Декабрь – корреспондент «Красной звезды» на Харьковском процессе над фашистами – организаторами массовых убийств населения.

1944 год: март – апрель – Первый и Второй Украинские фронты; май – Второй Украинский фронт; июнь – Ленинградский фронт, от начала прорыва линии Маннергейма до взятия Выборга; июль – август – Первый Белорусский фронт, Люблин, Майданек; август – сентябрь – в частях Второго и Третьего Украинских фронтов в период наступления от Ясс до Бухареста, затем в Болгарии, Румынии и Югославии; октябрь – в Южной Сербии у югославских партизан. После освобождения Белграда – полет в Италию на нашу авиационную базу в Бари.

1945 год: январь – апрель – Четвертый Украинский фронт, Закарпатская Украина, Южная Польша, Словакия, в наших частях и частях Чехословацкого корпуса; конец апреля – Первый Украинский фронт, встреча с американцами в Торгау. Последние дни боев за Берлин – в частях Первого Украинского и Первого Белорусского фронтов. Присутствовал при подписании капитуляции германской армии в Карлсхорсте. 10 мая был в Праге» [2, с. 34–35], – рассказал Симонов в своей автобиографии.

Просто представьте себе эту интенсивность журналистской работы в экстремальных условиях боевых действий. «Он был из тех военкоров, кто не вылезал из окопов, собирал газетный материал на батальонных и полковых НП, хорошо понимал цену жизни на войне и цену слова о войне» [1, с. 210].

Среди военных наград полковника Рабоче-Крестьянской Красной армии Константина Симонова – орден Боевого Красного Знамени и два ордена Отечественной войны первой степени.

Почти весь материал для книг – как написанных во время войны, так и большинства послевоенных – ему дала именно работа военным корреспондентом на фронте, признавался писатель. Симонов вошел в историю русской литературы с трилогией «Живые и мертвые», романом «Товарищи по оружию», циклом повестей «Из записок Лопатина», пьесами «Парень из нашего города» и «Русские люди», стихотворениями «Жди меня» и «Убей его!», мемуарами «Разные дни войны» и десятками других произведений.

Творческое наследие Константина Симонова огромно, и в то же время он остается недооцененным писателем. В значительной степени это связано с идеологическим аспектом. Симонов – лауреат шести (!!!) Сталинских премий. В поверхностном перестроечном и постперестроечном сознании он остается махровым классиком социалистического реализма со всеми последствиями принадлежности к этому немодному, ретроградному литературному направлению. Между тем, повторимся, произведения Симонова принадлежат к лучшему, что написано о Великой Отечественной войне и о войне вообще.

Важнейшее место в жизни и творчестве писателя занимает Крым. Он работал здесь в качестве военного корреспондента в самый тяжелый период Великой Отечественной войны – в 1941 и 1942 годах. Те трагические события отразились в трилогии «Живые и мертвые», пьесах, рассказах, мемуарах, стихотворениях, журналистских материалах. Писатель возвращался к ним на протяжении всей своей последующей жизни, как не раз и не два возвращался после войны и в сам Крым.

Цель исследования – изучить роль Крыма в жизни и творчестве Константина Симонова.

Задачи:

- проанализировать обращения автора к крымской тематике;
- выделить «самые крымские» тексты писателя;
- описать образ Крыма в творчестве Симонова;
- определить значение творчества Симонова для профессии военного корреспондента;
- провести параллели между крымскими реалиями периода Великой Отечественной войны и Специальной военной операции на Украине.

Методы исследования – описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь между традициями русской литературы и представлениями писателя; биографический, устанавливающий зависимость между жизненными фактами и творчеством Симонова.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается системная попытка изучить роль Крыма в жизни и творчестве классика русской литературы и журналистики.

Особую **актуальность** тема исследования приобретает в свете Специальной военной операции на Украине, чья «проблематика» во многом связана с

«проблематикой» Великой Отечественной войны, и с учетом резкого роста популярности профессии военного корреспондента.

Константин Симонов – один из тех, кто ковал славу военных корреспондентов эпохи Великой Отечественной войны, кто вместе с Михаилом Шолоховым, Ильей Эренбургом, Александром Твардовским создавал традиции, которые сегодня продолжают Александр Сладков, Александр Коц, Дмитрий Шестин и другие военкоры Специальной военной операции.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Великая Отечественная война – ключевое историческое событие, определившее главное содержание журналистского и литературного творчества Константина Симонова. Как уже говорилось, почти весь материал для книг писателю дала работа военным корреспондентом на фронте. Он возвращался к событиям Великой Отечественной на всем протяжении своего творческого пути – вплоть до последних дней жизни. При этом значительная, может быть, даже важнейшая часть военной биографии Симонова связана с Крымом.

Впервые писатель побывал на полуострове в 1939 г. До войны он воспринимается Симоновым в традициях русской литературы XIX – первой трети XX столетий. С одной стороны, как рай на земле, место, куда хочется сбежать от повседневных забот и невзгод: «Под южным солнцем заметая след, / Сбежать бы в Крым...» [9, с. 458]. С другой – как земля ратной русской славы. Первая поездка в Крым отразилась в стихотворении «Английское военное кладбище в Севастополе», посвященном героической обороне города в 1854–1855 гг.:

*«Здесь нет ни остролистника, ни тиса.
Чужие камни и солончаки,
Проржавленные солнцем кипарисы
Как воткнутые в землю тесаки.*

*И спрятаны под их худые кроны
В земле, под серым слоем плитняка,
Побатальонно и поэскадронно
Построены британские войска»* [3, с.62].

Стихотворения «Немецкое военное кладбище в Севастополе» Симонов не написал, хотя мог бы – таких кладбищ после Великой Отечественной войны в городе русской славы осталось много, а одно – возле села Гончарного – существует до сих пор.

Еще одно стихотворение, родившееся в 1939 г. в Севастополе, – «Поручик» – воспевает подвиг защитников Малахова кургана в дни Крымской войны и одновременно звучит предвосхищением новой военной славы города:

*«Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган»* [10, с. 60].

Об особом отношении Симонова к Крыму свидетельствует тот факт, что главный герой его, пожалуй, самого известного произведения, трилогии «Живые и мертвые», Иван Синцов 22 июня 1941 г. оказывается в Симферополе:

«О том, что началась война, Синцов и Маша узнали в Симферополе, на жарком привокзальном пятачке. Они только что сошли с поезда и стояли возле старого открытого <<линкольна>>, ожидая попутчиков, чтобы в складчину доехать до военного санатория в Гурзуфе.

Оборвав их разговор с шофером о том, есть ли на рынке фрукты и помидоры, радио хрипло на всю площадь сказало, что началась война, и жизнь сразу разделилась на две несоединимые части: на ту, что была минуту назад, до войны, и на ту, что была теперь» [6, с. 6].

Иван Синцов, в чьем образе легко угадываются черты самого Константина Симонова, – военный корреспондент, который, потеряв документы в суматохе первых дней войны, становится солдатом – сначала рядовым, потом офицером, командиром батальона, начальником штаба полка. И, возможно, в этой художественной трансформации отразилась несбывшаяся, затаенная мечта Симонова полностью сменить в дни войны перо на штык.

В августе 1941 г. Константин Симонов отправился в командировку в Крым как военный корреспондент «Красной звезды». Эта поездка подробно описана в мемуарах «Разные дни войны». Символично, что с собой вместе с самыми необходимыми вещами Симонов взял «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Как будто сам уже задумал написать столь же масштабную эпопею – только не о Гражданской войне, а о Великой Отечественной. И надо сказать, что во многом это Симонову действительно удалось в трилогии «Живые и мертвые». А Михаил Шолохов, кстати говоря, тоже работал во время Великой Отечественной военкором. И тоже оставил нам великолепные образцы военной журналистики. Его рассказы «Наука ненависти» и «Судьба человека» были впервые опубликованы в газете «Правда», да и роман «Они сражались за Родину» родился прежде всего из опыта фронтового корреспондента.

Из Москвы в Севастополь Константин Симонов и его коллега, фотокорреспондент Яков Халип добирались на редакционной «эмке». На полуостров попали из Генчешеска по Чонгарскому мосту, дальше через Джанкой и Симферополь доехали до главной базы Черноморского флота. Из Севастополя журналисты отправились на тральщике «Делегат» в Одессу. Обрато в Крым вернулись через несколько дней уже на эсминце. Симонов передал самолетом подготовленные материалы в Москву и получил новое редакционное задание: побывать на одной из отличившихся подводных лодок и сделать о ней статью со снимками. Чтобы выполнить его, Симонов отправился в боевой рейд на подводной лодке А-4. Очерк об этом походе в «Красной звезде» назывался «У берегов Румынии».

Вернувшись из подводного рейда, Симонов отправился в Симферополь. К этому времени немцы уже вплотную подошли к Крымскому полуострову. Военкор побывал на Сиваше, на Чонгаре, на Арабатской стрелке, увидел первые бои за Крым и 23 сентября улетел из Симферополя в Москву, надеясь вернуться на полуостров через

несколько дней, однако сбыться этим надеждам было не суждено. Редакция направила Симонова в новую командировку не на юг, а на север – в Заполярье.

Эта первая боевая командировка в Крым отразилась не только в мемуарах, но и в художественной прозе Симонова – в частности, в цикле повестей «Из записок Лопатина». Пока их герой, военкор Лопатин – естественно, тоже во многом автобиографический персонаж – был в плавании, «положение на юге ухудшилось, и, хотя в утреннем сообщении Информбюро стояла та же самая фраза, что он читал двадцать дней назад, – “наши войска вели бои с противником на всем фронте”, – сидевшие в Симферополе газетчики рассказали, что за это время немцы переправились через Днепр у Каховки и, выйдя к Мариуполу, отрезали Крым» [7, с. 9].

Сегодня, в условиях Специальной военной операции, эти строки читаются как «эскиз» к планам украинских националистов, ведущих свою «родословную» напрямую от Коновальца, Бандеры, Шухевича и других пособников Гитлера.

Так же показательно в свете СВО – крупнейшего военного конфликта в Европе после окончания Второй мировой – звучит и вот такая фраза из записок Лопатина:

«Сколько раз я на маневрах был, десятки раз, а на поверку вышло: война как вода, – пока не нырнешь в нее, плавать не научишься» [7, с. 17].

Огромное впечатление на Константина Симонова произвела во время пребывания в Крыму бесстрашная 19-летняя девушка Паша Анощенко из Соляпрома (современное Соляное) – села у самого основания Арабатской стрелки. Облик этой дерзкой и самоотверженной «шоферки» врезался ему в память на долгие годы. Он написал о ней очерк для «Красной звезды» «Девушка с соляного промысла», вывел под именем Вали Анощенко в пьесе «Русские люди» и под именем Паши Горобец в «записках Лопатина».

«А знаете, Иван Никитич, все говорят: родина, родина... и, наверное, что-то большое представляют, когда говорят. А я нет. У нас в Ново-Николаевке изба на краю села стоит и около речки две березки. Я качели на них вешала. Мне про родину говорят, а я все эти две березки вспоминаю» [13, с. 467–468], – говорит героиня пьесы «Русские люди».

Сам Симонов считал «Русских людей» своей лучшей пьесой, она была переведена на английский язык, издана в Великобритании, поставлена в США, так что там знали, что в Крыму и на Арабатской стрелке живут и сражаются русские люди.

А еще эта командировка дала Симонову материал для его первого художественного рассказа – «Третий адъютант» об Андрее Николаеве, корпусном комиссаре, члене Военсовета 51-й армии, уверенном, что храбрые умирают реже.

На мысль написать рассказ Симонова натолкнул главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг.

Вот как вспоминал об этом писатель:

«– Послушай, Симонов, помнишь, когда ты в прошлый раз вернулся из Крыма, ты мне рассказывал, как корпусной комиссар Николаев говорил тебе, что храбрые умирают реже?»

Недоумевая, я ответил, что помню.

– Так вот, – сказал редактор, – написал бы ты на эту тему рассказ. Это идея важная и, в сущности, справедливая.

Я ушел от него с некоторой робостью в душе, потому что никогда в жизни не писал рассказов и за время работы военным корреспондентом “Красной звезды” мысль вдруг написать на материале того, что я видел, не корреспонденцию, а рассказ, еще ни разу не приходила мне в голову.

Написать этот первый рассказ помогли воспоминания об Арабатской стрелке, нахлынувшие после разговора с Ортенбергом. Вспомнив Николаева и самое твердое и непоколебимое из всех его убеждений, что храбрых убивают реже, чем трусов, я расположил некоторые подробности того памятного для меня дня так, как мне показалось удобнее, и через два дня положил на стол редактору свой первый рассказ, который назывался “Третий адъютант”» [12, с. 36–37].

Этот случай – иллюстрация того, как журналистика «переплавляется» в литературу. «Среди того, что я видел на войне, было немало такого, о чем хотелось поговорить подробнее, глубже, серьезнее, чем это удастся в рядовой газетной корреспонденции» [12, с. 39], – объяснял сам писатель.

По соображениям военной цензуры Симонов мог рассказать читателям газеты далеко не все из того, что происходило на фронте в тяжелые первые месяцы войны. Он вспоминал:

«В эти дни мне пришлось пережить несколько неприятных минут. Товарищи спрашивали у меня, где я был последнее время. Я отвечал, что в Крыму. “Сколько там пробыл?” – “Две недели”. У них в глазах было удивление и даже неодобрение – чего это я две недели сидел там на курорте? Не осведомленные о действительном положении вещей, люди в Москве были далеки от мысли, что немцы уже подошли к Перекопу и Чонгару. Но объяснить им это в то время я не имел права. Вообще надо сказать, что в нашей корреспондентской работе самое тяжелое время было с июня по октябрь сорок первого года. Это было время, когда официальные сводки настолько резко не согласовывались с тем, что реально происходило на фронте, что писать было очень трудно, а рассказывать все, что видел, просто невозможно» [11, с. 327].

Вторая военная командировка Симонова в Крым состоялась в начале 1942 г. Главред направил его на полуостров осветить ход Керченско-Феодосийской десантной операции. Военкор добрался до Феодосии на крейсере «Красный Кавказ» 4 января, всего через несколько дней после высадки нашего десанта.

«Город поднимался вверх большой подковой. Он был в этот час черным и пустынным... Чем выше поднимались в гору, тем больше попадалось нам брошенных немецких машин – и грузовых и легковых. Кое-где на тротуарах и на мостовой еще валялись трупы немцев. Город был взят внезапно» [12, с. 16], – писал Симонов.

В Феодосии он не только стал свидетелем освобождения города, увы, кратковременного, от фашистов, но и столкнулся с предателями из числа местных жителей. В письме главному редактору журнала «Дружба народов» Сергею Баруздину Симонов предложил свое объяснение этим прискорбным фактам: «В Феодосии действительно оказалось довольно много людей, пошедших на сотрудничество с фашистами. Думается, что одна из причин тому – то, что именно здесь, в Крыму, было последнее прибежище врангелевской армии, именно здесь всякими правдами-неправдами зацепились некоторые люди, хотевшие, но не успевшие уехать с белыми, а в сорок первом году, сбросив маску, пошедшие служить к немцам» [14, с. 702].

О феодосийском бургомистре Василии Грузинове Симонов написал для «Красной звезды» отдельный очерк – «Предатель».

«Этот человек был мне отвратителен. Отвратителен в гораздо большей степени, чем любой пленный немец. В силе этого чувства играли роль два момента: во-первых, он служил немцам, то есть был предателем. А во-вторых, может быть, я все же испытывал бы к нему меньшее физическое отвращение, если бы его можно было хотя бы считать принципиальным нашим врагом, убежденным, что Россия должна быть не такой, какая она есть, и что лучше отдать немцам часть ее территории, чтобы на оставшейся восстановить буржуазное или самодержавное государство, восстановить любой ценой, только бы не жить при Советской власти.

Но у этого человека явно не было никаких принципов, даже таких. Ему не было никакого дела до судеб России. Его интересовал только он сам, его собственная судьба, его собственное благосостояние. Он был для меня символом всего того спокойного, удовлетворенного и собой и окружающими в условиях удачного стяжательства; всего того мещанского, уныло-жадного, что я ненавидел с детства» [12, с. 22].

Из Феодосии в Новороссийск Симонов вернулся на судне-рудовозе «А. Серов», которое еле доползло до берега с трещиной в корпусе. Оттуда поездом отправился в Краснодар и 9 января самолетом вернулся в Москву. А в двадцатых числах февраля того же 1942 г. Ортенберг снова командировал Симонова на полуостров – на этот раз в Керчь, откуда военкор отправился в село Ленинское, где располагался штаб Крымского фронта.

Увы, начавшееся наступление, о котором должен был написать Симонов, провалилось. Виной тому были и чудовищная погода, и, в еще большей степени, ошибки командования.

«Все завязло в грязи, танки не шли, пушки застряли где-то сзади, машины тоже, снаряды подносили на руках. Людей на передовой было бессмысленно много. Ни раньше, ни позже я не видел такого большого количества людей, убитых не в бою, не в атаке, а при систематических артналетах. На каждом десятке метров обязательно находился подвергавшийся этой опасности человек. Люди топтались и не знали, что делать. Кругом не было ни окопов, ни щелей ничего. Все происходило на голом, грязном, абсолютно открытом со всех сторон поле. Трупы утопали в грязи, и смерть здесь, на этом поле, почему-то казалась особенно ужасной» [12, с. 64].

Увиденного на Крымском фронте Симонов, по его собственному признанию, не забыл до конца жизни.

«Слева и справа от дороги, насколько хватало глаз, тянулось огромное грязное поле, истоптанное так, словно по нему долго ходил скот. На этом грязном поле с кое-где торчащими пожелтевшими стеблями прошлогодней травы и с бесчисленными мелкими минными воронками лежали трупы. Редко на войне я видел такое большое количество трупов, разбросанных на таком большом и при этом легко обозримом пространстве. Это были румынские минные поля, расположенные между первой и второй линиями их обороны. Поля эти тянулись примерно на километр вглубь, и на них лежали бесчисленные трупы – румынские и наши. Сначала, убегая с первой линии обороны, на эти собственные минные поля нарвались румыны. А потом, очевидно, на них же нарвались и наши, спешившие через эти поля вперед, вслед за отступавшими румынами. Мертвецы чаще всего лежали ничком, как упали на бегу – лицом в землю, руки вперед. Некоторые сидели в странных позах, на корточках. У некоторых оставались в руках винтовки, у других винтовки лежали рядом» [12, с. 62].

Трагедия Крымского фронта вылилась у Симонова не только в прозу, но и в поэзию. Ей посвящено длинное пронзительное стихотворение «Дожди». Лирический герой рассказывает в письме своей любимой о тяжелом зимнем наступлении в акмонайских степях.

*«Есть в неудачном наступленьи
Несчастный час, когда оно
Уже остановилось, но
Войска приведены в движенье.*

*Еще не отменен приказ,
И он с жестоким постоянством
В непроходимое пространство,
Как маятник, толкает нас.*

*Но разве можно знать отсюда —
Вдруг эти наши три версты,
Две взятых кровью высоты
Нужны за двести верст, где чудо*

*Прорыва будет завтра в пять,
Где уж в ракетницах ракеты.
Москва запрошена. Ответа
Нет. Надо ждать и наступать»* [5, с. 191–192].

Место действия этого стихотворения-репортажа: акмонайская равнина, села Джантора и Корпечь. Джантора – сейчас Львово, названо так в честь погибшего в районе села командующего 51-й армией, генерал-лейтенанта Владимира Львова. Находится в Ленинском районе, у основания Арабатской стрелки, население по переписи 2014 г. – 5 человек. Село Корпечь – позже Птичное – находилось неподалеку, исчезло в шестидесятых годах прошлого века.

Из штаба 51-й армии Симонов вернулся в Керчь. Встретился с командующим ВВС Крымского фронта, ездил в авиационный полк, разговаривал с летчиками, побывал у Керченского рва, где фашисты уничтожили несколько тысяч мирных жителей. «Он был уже закопан, но все равно имел страшный вид, из-под земли то здесь, то там высовывалась то нога, то рука, то обрывок полуистлевшего тряпья» [12, с. 76], – вспоминал писатель.

На протяжении двух дней собирал материал об аджимушкайских партизанах. Очерк «В керченских каменоломнях» увидел свет в «Красной звезде» в марте 1942 г.

«Полтора месяца немцы держали вокруг каменоломен большие полка пехоты. Полтора месяца они тратили тысячи килограммов аммонала для того, чтобы закупорить каменоломню. Полтора месяца они каждый день боялись, что эти подземные силы вырвутся из каменоломен наверх, в город. И – что самое главное – полтора месяца каждый человек в разгромленной, залитой кровью Керчи знал, что не все здесь взято фашистами, что не всех им удалось согнуть, что есть еще и в самой Керчи другая сила и другая власть, которая каждый день и каждую ночь борется с фашистами и уничтожает их» [4, с. 25].

Симонов улетел в Москву из Керчи 8 марта 1942 г. До окончательного разгрома Крымского фронта оставалось еще два месяца, но военкору многое уже было очевидно.

«Катастрофа произошла через два месяца после того, как я уехал отсюда, из Керчи, после нее, задним числом, мне можно и не поверить, но тогда, когда я возвращался из армии сначала в Керчь, а потом в Москву после зрелища бездарно и бессмысленно напиханных вплотную к передовой войск и после связанной со всем этим бестолковщины, которую я видел во время нашего неудачного наступления, у меня возникло тяжелое предчувствие, что здесь может случиться что-то очень плохое... Нет, я не лгу, говоря, что тяжелые предчувствия у меня возникали в душе уже тогда, в феврале и марте» [12, с. 79–80].

Керченская катастрофа отразилась не только в дневниках Симонова, но и в «записках Лопатина». Их главный герой вернулся из Крыма злой, мрачный, натерпевшийся горя и страха на Керченском полуострове. И, уже вернувшись, не то чтобы понял – понимал и раньше, а шкурой почувствовал, что смертен и мог пропасть ни за понюшку табаку.

«Все заготовки для корреспонденции, все, ради чего мотался там, в Крыму, с места на место, пошло коту под хвост. Писать в газету было нечего и не о чем. Редактор при всей своей жадности к материалам даже не спросил, что привез. Только при встрече крепче обычного пожал руку, молчаливо поздравляя, что остался жив.

Он-то остался. Но из головы не выходили другие...» [7, с. 186].

По мысли Симонова, главные причины наших поражений первых лет войны в Крыму – неопытность, неумелость в сравнении с покорившей всю Европу гитлеровской армией и просчеты командования.

«Прошло не десять, а почти тридцать лет после конца войны и нашей победы, но я все еще не могу перечитывать эти страницы дневника без боли и горя. Неудачное наступление, свидетелем которого я тогда оказался, было прямым преддверием всего дальнейшего. И во время февральской неудачи, и во время майского поражения Мехлис, действовавший на Крымском фронте в качестве уполномоченного Ставки и державший себя там как личный представитель Сталина, подмял под себя образованного, но безвольного командующего фронтом и всем руководил сам. Руководил, как может это делать человек лично фанатично храбрый, в военном отношении малокомпетентный, а по натуре сильный и не считающийся ни с чьим мнением. Мне рассказывали, что, когда после катастрофы в Крыму Мехлис явился с докладом к Сталину, тот не пожелал слушать его, сказал только одну фразу: “Будьте вы прокляты!” – и вышел из кабинета. Я поверил в этот рассказ, во всяком случае, в его психологическую возможность» [12, с. 81].

Один из героев «записок Лопатина» просит главного героя: «Василий Николаевич, в шахматы не сыграете? Вы меня, как фриц в сорок первом, бьете и бьете; закаляете мою волю к победе» [7, с. 362]. Горестные крымские эпопеи 1941–1942 годов осмысливаются героями Симонова как суровая школа войны.

«– А не приходило вам в голову, как ему тогда не хватало вас, теперешних? С вами, с теперешними, Крыма-то, наверное, не сдали бы! А с вами, с тогдашними, пришлось сдать. А как было сделать, чтобы все мы, с самого начала войны, оказались, не тогдашними, а нынешними, не берусь ответить. Хотя иногда фантазирую – пересаживаю на машине времени всех нас с нашим нынешним опытом обратно, в начало войны, – и не сдаю немцам Крыма. Да и многого другого.

– В шахматы и то обратно ходов не берут. А на войне тем более, – сказал капитан».

Среди других факторов, на которые прямо и косвенно, через логику художественных произведений, указывает Симонов, – шапкозакидательские настроения, засилье бюрократии, в частности, страх доложить наверх правду об истинном положении дел.

«Откуда черт возьми, взялось это поветрие, которое он заметил еще на финской войне? Откуда в Красной Армии, в Красной, в Рабоче-Крестьянской, в той, которой он отдал всю свою жизнь и которую любит больше жизни, откуда в ней взялись эти люди, которые боятся донести о неудаче больше, чем самой неудачи, боятся ответственности за потери больше самих потерь! Люди, которых до конца вылечит или до конца разоблачит только сама война!» [7, с. 363].

И здесь нам снова не уйти от параллелей с нынешней Специальной военной операцией, где, особенно на первом этапе, проявилось то же самое «поветрие».

Командировка на Крымский фронт в феврале-марте 1942 г. была последней военной поездкой Симонова на полуостров. Во время освобождения Крыма от фашистов весной 1944 г. писателя здесь не было, но это событие все равно отразилось в его творчестве. Один из героев «записок Лопатина», Велихов был ранен в Симферополе в день освобождения города 13 апреля 1944 г. Писатель символически указывает на связь между крымскими поражениями 1941–1942-го и крымскими победами 1944-го: «Там, в третий раз за войну, тринадцатого апреля этого года он был ранен в ногу, на той самой улице, по которой они в сорок первом ночью везли убитого Пантелеева» [7, с. 364].

Об ожесточенности боев за Крым весной 1944 г. свидетельствует такое замечание Лопатина: «Когда на всех других фронтах уже затихало, самые последние и жестокие весенние бои вели в Крыму как раз обе эти армии, и та, из которой полковник, и та, из которой Велихов, и если обойти госпиталь, наверное, каждый третий долечивающий раны офицер сейчас оттуда, из Крыма» [7, с. 368].

Герой «Живых и мертвых» Серпилин также был достаточно наслышан про крымские дела – как и все люди, жившие войной. Освобождение Севастополя на пороге четвертого лета войны казалось ему счастливым предзнаменованием на будущее.

Великая Отечественная война до конца жизни осталась главной темой творчества Константина Симонова. А работа в Крыму – одной из его самых ярких страниц.

«Без книг Константина Симонова военную литературу представить невозможно. Да и сама история Великой Отечественной войны без фронтового корреспондента газет “Боевое знамя” и “Красная звезда” К. Симонова, без его очерков, корреспонденций и стихотворений на страницах “Правды” и “Известий” стала бы неполной» [1, с. 199].

Сегодня, в дни Специальной военной операции на Украине, военный корреспондент – не только главная специализация в журналистике, но и одна из главных, одна из важнейших профессий в стране в целом. От военных

корреспондентов мы узнаем настоящую, окопную правду войны, узнаем о ее героях и антигероях, о подвигах и преступлениях, о самопожертвовании и предательстве. Слава богу, в этой профессии у нас есть образцы, на которые можно равняться. Образцы, равных которым нет больше ни у кого в мире. Их дала нам Великая Отечественная война в исполнении Михаила Шолохова, Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Евгения Халдея, Бориса Полевого, Александра Твардовского, Евгения Долматовского, Леонида Леонова и многих-многих других.

Военкоры были героями тогда, остаются героями и сейчас. А их профессиональный кодекс чести можно отыскать в написанной Константином Симоновым в 1943 г. «Песенке военных корреспондентов» (другое название – «Корреспондентская застольная»), которая, несмотря на уменьшительно-ласкательный суффикс, содержит большую Правду о войне и журналистике: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер матерьял успел ты передать». Заметим, эти строки были вымараны из текста стихотворения поздней советской цензурой. Как были вымараны из него и еще некоторые настоящие ценности войны и журналистики. Например – ...водка, без которой не бывает ни войны, ни журналистики, ни Победы. Строку «от ветров и водки хрипли наши глотки» заменили на «от ветров и стужи петь мы стали хуже». Наконец, вымарали и... Крым. Полностью убрали строфу: «Помянуть нам впору мертвых репортеров. Стал могилой Киев им и Крым. Хоть они порою были и герои, не поставят памятника им».

Памятники, правда, отдадим должное, военным журналистам поставили – в том числе и у нас в Симферополе.

*«Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой»* [8, с. 116], – поется в песне.

Среди погибших военкоров, которых всю жизнь поминал Симонов, – Евгений Петров, известный всем как соавтор Ильи Ильфа в романах об Остапе Бендере. В годы Великой Отечественной войны Петров служил военным корреспондентом Совинформбюро и погиб 2 июля 1942 г. в авиакатастрофе, возвращаясь из осажденного фашистами Севастополя в Москву.

В полевой сумке Петрова остался черновик начатого репортажа. Последние строки, которые он успел написать, были такими: «Возможно, что город всё-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса». Севастополь наши оставили через два дня, 4 июля 1942 г.

В Константине Симонове невозможно отделить журналиста от писателя. Это две неразделимые стороны его творчества. Две грани одной медали. Две страницы одного листа рукописи. Когда требуется молниеносная реакция, в ход идет инструментарий репортера, когда переполняют эмоции – инструментарий публициста или поэта, когда требуется осмысление – инструментарий писателя. Накоротке, «в ближнем бою» Симонов работает как репортер, на средней дистанции – как публицист, на длинной – как писатель. Это общая черта многих военкоров и

писателей Великой Отечественной – Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, других, которая проявляется и сегодня, в ходе Специальной военной операции.

После войны Константин Симонов неоднократно приезжал в Крым на отдых, как секретарь Союза писателей СССР бывал в редакции газеты «Крымская правда», хорошо знакомой ему с военных дней как «Красный Крым». В последний раз в жизни классик побывал в Крыму в июне 1979 г., в санатории «Пушкино» в Гурзуфе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На склоне своих дней Константин Симонов писал, что для него очень важно, что его книги дают представление о войне людям другого поколения, людям, не видевшим войны. Эти слова писателя были адресованы нам, живущим в XXI веке. Мы не услышали классика и стали поколением, увидевшим войну своими глазами.

В книге «Сто суток войны» Симонов рассуждал о нетерпении, с которым немцы готовились к захвату Крыма. Оно отражается в выписках из опубликованных неофициальных бесед Гитлера с Борманом. «В этих беседах, связанных с самым разным кругом проблем, Гитлер почти с маниакальной настойчивостью то там, то тут все время возвращается к Крыму... Красоты Крыма мы сделаем доступными для нас, немцев, при помощи автострад. Крым станет нашей Ривьерой. Крит выжжен солнцем и сух. Кипр был бы неплох, но в Крым мы можем попасть сухим путем... Южную Украину, в частности Крым, мы полностью превратим в германскую колонию... Крым даст нам свои цитрусовые, хлопок и каучук. 100 тысяч акров плантаций будет достаточно, чтобы обеспечить нашу независимость в этом отношении. Мы будем снабжать украинцев стеклянными безделушками и всем тем, что нравится колониальным народам» [15, с. 402], – рассказывал Симонов.

«Конечно, годы идут, времена меняются, «кто старое помянет – тому глаз вон» – русская поговорка, а способность к забвению – общечеловеческое свойство, все верно, все так... Но ведь будущее, которое было для нас запроектировано в этой книге, проектировалось на сотни лет вперед – вот в чем штука! Может, поэтому сейчас, всего-навсего через четверть века, и хочешь все это забыть, а не забывается?» [15, с. 404], – писал Симонов, и эти его слова по-новому или, точнее, по хорошо забытому старому звучат во время нынешнего глобального гибридного конфликта между Россией и «коллективным Западом», в центре которого судьба Крыма.

Константин Симонов завещал развеять свой прах над Буйничским полем под Могилевом. Сегодня это Поле Памяти, мемориал воинской славы Красной армии, летом 1941 г. остановившей там немцев.

«Я был не солдатом, всего лишь корреспондентом, – писал Симонов. – Но и у меня есть маленький кусочек земли, который я не забуду никогда, – поле под Могилевом, где в июле 1941 г. я своими глазами видел, как наши за один день сожгли 39 немецких танков» [1, с. 234].

На Буйничском поле установлен Симоновский камень – огромный валун красного гранита. На одной его грани надпись: «Константин Симонов. 1915–1979». На другой: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Почти точно так же классик всю жизнь помнил и Крым. И точно так же здесь витает его дух и мог бы стоять еще один Симоновский камень с похожей надписью.

Список литературы

1. Михеенков С. Е. Писательская рота. – М.: Молодая гвардия, 2022. – 382 с.
2. Симонов К. М. Автобиография // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
3. Симонов К. М. Английское военное кладбище в Севастополе // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
4. Симонов К. М. В керченских каменоломнях // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 11 (дополнительный). – М.: Художественная литература, 1985. – 647 с.
5. Симонов К. М. Дожди // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
6. Симонов К. М. Живые и мертвые: Роман в трех книгах. Книга I: Живые и мертвые. – М.: Художественная литература, 1989. – 479 с.
7. Симонов К. М. Из записок Лопатина // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 7. – М.: Художественная литература, 1982. – 558 с.
8. Симонов К. М. Корреспондентская застольная // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
9. Симонов К. М. Первая любовь // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
10. Симонов К. М. Поручик // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.
11. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Том 1 // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 8. – М.: Художественная литература, 1979. – 479 с.
12. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Том 2 // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Том 9. – М.: Художественная литература, 1979. – 688 с.
13. Симонов К. М. Русские люди // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1980. – 622 с.
14. Симонов К. М. Симонов и война. – М.: Время, 2016. – 768 с.
15. Симонов К. М. Сто суток войны. – М.: Вече, 2020. – 488 с.

References

1. Mikheenkov S. E. *Pisatel'skaja Rota* [Writer's Company]. Moskva, Molodaja gvardija, 2022. 382 p.
2. Simonov K. M. *Avtobiografija* [Autobiography]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol 1. – Moskva, Hudozhestvennaja literatura, 1979. 670 p.
3. Simonov K. M. *Anglijskoe Voennoe Kladbishhe v Sevastopole* [English Military Cemetery in Sevastopol]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 1. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 670 p.
4. Simonov K. M. *V Kerchenskih Kamenolomnjah* [In the Kerch Quarries]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 11 (additional). Moskva, Hudozhestvennaja literature Publ., 1985. 647 p.
5. Simonov K. M. *Dozhdi* [The Rains]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 1. – Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 670 p.
6. Simonov K. M. *Zhivye i Mertvye* [The Quick and the Dead]. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1989. 479 p.
7. Simonov K. M. *Iz Zapisok Lopatina* [From Lopatin's Notes]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 7. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1982. 558 p.

8. Simonov K. M. *Korrespondentskaja Zastol'naja* [The Correspondent's Drinking Song]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 1. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 670 p.
9. Simonov K. M. *Pervaja Ljubov'* [The First Love]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 1. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 670 p.
10. Simonov K. M. *Poruchik* [The Lieutenant]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 1. Moskva: Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 670 p.
11. Simonov K. M. *Raznye Dni Vojny. Dnevnik Pisatelja. Tom 1* [Different Days of the War. Writer's Diary. Vol. 1]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 8. Moskva, Hudozhestvennaja literatura, 1979. 479 p.
12. Simonov K. M. *Raznye Dni Vojny. Dnevnik Pisatelja. Tom 2* [Different Days of the War. Writer's Diary. Vol. 2]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 9. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 688 p.
13. Simonov K. M. *Russkie Ljudi* [The Russian People]. *Simonov K. M. Sobranie sochinenij v desjati tomah*. Vol. 2. Moskva, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1979. 622 p.
14. Simonov K. M. *Simonov i Vojna* [Simonov and the War]. Moskva, Vremja Publ., 2016. 768 c.
15. Simonov K. M. *Sto Sutok Vojny* [One Hundred Days of War]. Moskva, Veche Publ., 2020. 488 p.

CRIMEA IN THE LIFE AND WORK OF KONSTANTIN SIMONOV

Mashenko A. P.

The article analyzes the role of Crimea in the life and work of the classic of Russian journalism and literature, Konstantin Simonov. He worked on the peninsula as a war correspondent during the most difficult period of the Great Patriotic War - in 1941 and 1942. Those tragic events were reflected in the trilogy "The Quick and the Dead", the cycle of stories "From Lopatin's Notes", the play "Russian People", the poems "Rains" and "Correspondent Drinking Song", the memoirs "Different Days of the War", the essay "In the Kerch Quarries", numerous journalistic publications in the newspapers "Krasnaya Zvezda", "Pravda", "Izvestia".

The Great Patriotic War is a key historical event that determined the main content of the journalistic and literary work of Konstantin Simonov. Almost all the material for the writer's books was provided by his work as a war correspondent at the front. He returned to the events of the Great Patriotic War throughout his career - right up to the last days of his life. At the same time, a significant part of Simonov's military biography is connected with Crimea.

He visited the peninsula on three military trips - in August-September 1941, January and February 1942, worked in Sevastopol, Simferopol, Kerch, Feodosia, Dzhankoy, on Sivash, on the Arabat Spit, in the Akmonai steppes. The liberation of Crimea from the Nazis in 1944 was reflected in Lopatin's "notes." The writer's special attitude towards the peninsula is evidenced by the fact that the main character of his most famous work, the trilogy "The Quick and the Dead," Ivan Sintsov, ended up in Simferopol on June 22, 1941. It was on Crimean material that Simonov's first fictional story, "The Third Adjutant," was created.

Key words: Konstantin Simonov, Crimea, Great Patriotic War, literature, journalism, war correspondent.